

Леонид Андреев

Полёт

Леонид Андреев

Полёт

«Public Domain»

1914

Андреев Л. Н.

Полёт / Л. Н. Андреев — «Public Domain», 1914

«День полета начался при счастливых предзнаменованиях. Их было два: луч раннего солнца, проникший в темную комнату, где спал с женой Юрий Михайлович, и необыкновенно светлый, полный таинственных и радостных намеков, волнующий сон, который приснился ему перед самым пробуждением...»

© Андреев Л. Н., 1914

© Public Domain, 1914

Содержание

1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Леонид Андреев

Полет

1

День полета начался при счастливых предзнаменованиях. Их было два: луч раннего солнца, проникший в темную комнату, где спал с женой Юрий Михайлович, и необыкновенно светлый, полный таинственных и радостных намеков, волнующий сон, который приснился ему перед самым пробуждением.

Юрий Михайлович Пушкарев был опытный офицер-пилот; это значило, что в течение полутора лет он уже двадцать восемь раз – ровно столько, сколько было ему лет, – поднимался на воздух и все еще был жив, не разбился, не переломал себе ног и рук, как другие. Лучше, чем все, чем даже жена его, он знал цену этой смешной и маленькой опытности, обманчивому спокойствию, которое после каждого счастливого возвращения на землю точно отнимало память о прежних чужих несчастьях и делало близких людей излишне уверенными, излишне спокойными, – пожалуй, даже жестокими немного; но был он человек мужественный и не хотел думать о том, что расслабляет волю и у короткой жизни отнимает последний ее смысл. «Упаду так упаду, – думал он, – что ж с этим поделаешь; а может быть, до тех пор и машину сделают такой, что падать не надо, вот я и обману смерть, проживу до старости, как другие. О чем же гадать?»

И, думая это про себя, он улыбался той своей спокойной улыбкой, за которую так любили его и уважали товарищи. Но жил в его теле кто-то еще, кто не поддавался увещаниям, твердо знал свое, был не то мудр, не то совсем без разума, как зверь, – и этот другой страшился страхом трепетным и темным, и после удачного полета этот другой становился глупо счастлив, самоуверен и даже нагл, а перед полетом каждый раз мучил душу, наполнял ее вздохами и дрожью. Так же было и в этот раз, накануне июльского полета.

Вечером, перед сном, Юрий Михайлович нежно и тихо погулял с женой по окраинным темным и зеленым улицам маленького городка, где они временно жили; и уже в половине одиннадцатого, когда в доме еще возились, лег в постель и сразу уснул. Он слышал смутно, как через час или полтора пришла жена, разделась тихо и легла, даже не скрипнув кроватью; потом, долго или коротко спустя, что-то широкое заходило над головою и спокойным, из края в край переливающимся гулом раздвинуло пределы узкого, темного комнатного сна. Он догадался, что это зашла ночная гроза, но совсем не проснулся, а только скинул с себя то тяжелое, как узы, тупое и мертвое оцепенение, каким страх боролся против мыслей и неизбежного. Вдруг задышалось глубоко и сладко: как будто следило дыхание за переливами грома в высоте и шло за ним из края в край; и стало казаться в долгой грезе, что он – не человек спящий, а сама морская волна, которая, то падая, то поднимаясь, дыша ровно и глубоко, вольно катится по безбрежному простору. И вдруг открылся тот радостный смысл, что есть в беге волны по безбрежному простору, когда, то падая, то поднимаясь, идет она в глубокую беспредельность. И уже долго он был волной, и уже разгадал все таинственные смыслы жизни, когда зашумел частый дождь по крыше и тихим плеском окропил грудь, поцеловал сомкнутые уста, приник тепло к глазам и принес кроткое забвение. А потом, долго или коротко спустя – уже птицы звенели за окном – привиделся и тот радостный, волнующий сон, который уже третий раз в жизни посещал его и был каждый раз счастливым предзнаменованием.

Будто проснулся он на рассвете в темной комнате, где спал почему-то один, без жены: и хотя жены не было и комната была незнакома, но была она в то же время своей, настоящей, той, в которой он всегда жил и живет. Проснулся он будто от тревожного и страшного сна, с темным взглядом и стесненной грудью: было тяжело и печально. Тогда поднялся он и вышел в сосед-

нюю комнату, где было уже светлее, так как только на одной стороне ставни были закрыты, а на другой уже пробивался в окна мягкий, розовый, спокойный свет. «Как хорошо и спокойно: все спят», – подумал он, успокаиваясь; и тут внезапно – так всегда было в этом чудесном сне, – внезапно вспомнил, что, кроме этих хороших комнат, у него есть другие, прекраснейшие, в которых он почему-то давно не был, даже совсем забыл о них. С радостным ожиданием он открыл очень высокую белую дверь и тихо, босыми ногами, вступил на гладкий и теплый пол забытых прекрасных комнат. Их было много, и они были тех огромных и торжественных размеров, какими бывают комнаты и залы только во дворце; и всюду, во всех углах, стоял тот же неяркий, но спокойный и радостный розово-утренний свет. «Как хорошо! И как я мог забыть!» – думал он, тихо скользя вперед, в тишину и высь все новых и прекраснейших зал, полных света и умиленной радости; и так дошел он до двери, за которой слышались голоса. Он осторожно заглянул и увидел, что сидят на полу два маляра, что-то делают и тихонько поют.

Тут Юрий Михайлович проснулся, но еще с минуту, радостно и глубоко волнуясь, не мог понять, где кончается сон и начинается настоящее. На ночь окна в их спальне закрывались ставнями, и теперь прямо в глаза ему что-то ослепительно ярко блистало: он отодвинул голову и увидел острый и прямой луч, идущий от круглого отверстия в ставне, где вывалился сучок, увидел круглое пятно на подушке и розовый сумрак, наполнявший комнату. Потом увидел сбоку от себя темное пятно волос, голую руку, услышал тихое дыхание – и сразу все вспомнил и все понял: и что сегодня ему лететь, и что это милое, что так тихо дышит, есть его жена, и что июльское солнце, поднявшись, стоит против окон и, вероятно, весь мир заливают светом. Попробовал себя, не страшно ли ему лететь, но вместо обычного крепко сдерживаемого страха было глубокое и радостное волнение: как будто ждет его сегодня необыкновенное и великое счастье. «Сегодня я полечу!» – впервые со всей чистотой восторга, радости неомрачаемой подумал он о небесном великом просторе, предчувствиями которого всю ночь жила его душа.

Если бы не этот луч солнца, Юрий Михайлович поспал бы еще час или полтора; но теперь невозможно было ни спать, ни оставаться в темноте, душной и тяжелой; и, осторожно сойдя с постели, стараясь даже не глядеть на жену, чтобы не разбудить ее взглядом, он наскоро оделся. Но та спала крепко; с вечера ей долго не давали уснуть беспокойство и нежная любовь, а потом чем-то страшным измучила гроза – иные были сны у женщины. И теперь она отдыхала. Захватив папирос и все так же не глядя на жену, Юрий Михайлович вышел из спальни в тихий свет пустых и неубранных комнат, еще хранивших в углах ночные тени.

В кухне уже возился над самоваром и колол лучину сонный денщик, каждый движением своим перегоняя с места на место тучу ленивых, тяжелых от ночи мух; но на дворе, и в садике, и на улице, обсаженной тополями, как аллея, было безлюдно и тихо. И хотя давно уже звенели птицы, и по двору прошла кошка, старательно выбирая сухие места и избегая холодной и сырой тени от дома, и даже проехал на станцию извозчик – казалось, что никто еще не пробуждался к жизни, а живет во всем мире одно только солнце, и только одно оно есть живое. Так оно было ласково и так грело глаза и усы, что Юрий Михайлович сделал невинное лицо и надолго притих; потом совсем по-детски подумал, что с солнцем можно говорить: правда, ответа не услышишь, но самому говорить можно, и в этом будет не меньший смысл, чем в разговоре с человеком.

И вспомнил он – все еще сохраняя невинное лицо и не торопясь открыть согревшиеся глаза, – как все детство свое он мечтал о полете. Вспомнил, как он подпрыгивал и снова падал на землю, оскорбленный, негодующий, не понимающий, почему же он не полетел; как уже небольшой прыжок с высоты давал робкое впечатление полета и как до слез почти, до настоящей душевной боли хотелось все отдать, всем пожертвовать, от всего отказаться только за то, чтобы перелететь через соседский дом. И именно этот соседский дом, одноэтажный мещанский домишко с прогнившей деревянной крышей, приобрел такую значительность, что при

первом настоящем полете, за тысячу верст от родины, когда от волнения ни о чем не думалось и не вспоминалось, он вдруг вспомнился Юрию Михайловичу.

Но неужели он действительно уже летал и сегодня полетит?

На небе не виделось ни единого облака, и там, где грохотал ночью гром и откуда падал дождь на землю, теперь раскидывалась ясная и бездонная синева. По книгам это называлось воздухом, атмосферой, но по чувству человеческому это было и вечно оставалось небом – извечною целью всех стремлений, всех поисков и надежд. «Всякий человек боится смерти, и кто захотел бы лететь, если бы это было только воздухом каким-то?» – подумал Юрий Михайлович, не отводя глаз от бездонной, таинственно сияющей синевы и на фоне ее рисуя памятью знакомые загорелые близкие и почему-то очень дорогие лица товарищей, офицеров-летчиков. Правда, разговор их пуст и смешно деловит: так же, вероятно, разговаривает и он сам о своих полетах; но кто же не знает, что иногда совсем не нужно слушать разговора людей, которым они невинно и хитро лгут, а надо видеть лица, глубину глаз, чистоту белых, неиспорченных зубов. И от этих мыслей, ясных, простых и чистых, как чисто было утреннее солнце, еще не увеличилось то радостное волнение, с которым он проснулся; и идя к дому, Юрий Михайлович зачем-то еще раз поклялся себе, что всегда будет любить своих товарищей и будет неизменным другом своим друзьям. Но тот, кто умеет не слышать пустого разговора и мыслей, а смотрит в глубину глаз, на чистоту молодых неиспорченных зубов, тот иной смысл открыл бы за этой наивной и ненужной клятвой. И тот и сам бы не сказал ненужного, а молча и крепко поцеловал бы в уста веселого, легкой походкой идущего к дому человека, у которого улыбка так приветлива и спокойна, а в глазах мерцает уже далекий свет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.